

— Предупреди всех, чтобы были осторожны с любыми зеркальными поверхностями, включая объективы телефонов, камеры и металлические предметы, и не встречались взглядом с собственным отражением.

Се Шэн сказал это Тун Ибо:

— Это условие смерти. Если избегать этого, никто не умрёт. Пойди и передай всем.

Тун Ибо обомлела, осмысливая эти пару фраз пару мгновений, а затем её глаза широко распахнулись.

На эмоциях она тут же отозвалась, поднялась с места и громко объявила всё пассажирам.

Опасаясь, что кто-то не услышит, она прошла в хвостовую часть салона, повторяя предупреждение во весь голос на ходу.

У студентов отлично варят мозги.

Се Шэн заодно похвалил и себя, после чего продолжил печатать в телефоне.

[Условие смерти выяснено. Теперь осталось только ждать?]

Он помнил, как в самом начале Му Дье передал через девушку-бухгалтера: пробыв в аномальной области закономерностного типа достаточно времени или убив главную аномалию, можно вырваться наружу.

Значит, всё, что сейчас нужно делать — избегать условия смерти и просто выждать время, чтобы выйти?

Вскоре пришёл ответ от Му Дье.

[Хочешь получить посох исполняющий желания в постоянное пользование?]

Се Шэн: [?]

[Как «Полуночный круглосуточный магазин» оставил тебе [Т], так и ты можешь получить способность [U] в постоянное владение через убийство.]

Се Шэн: ?

Его первой реакцией было: [Откуда ты знаешь?]

Му Дье: [Я участвовал в собрании уровня S, посвящённом тебе.]

Се Шэн: ...

Появилось странное ощущение, будто эта группа людей побывала на его родительском собрании.

Се Шэн: [И ты поддерживаешь то, чтобы я убил аномалию?]

Если бы аномалией «Полуночного круглосуточного магазина» оказалась продавщица Жэнь Чинчин, Се Шэн чувствовал, что у него не поднялась бы рука.

Му Дье: [Ты можешь получить «очки навыков» только при очищении или убийстве с поглощением аномалии, но именно в этих двух случаях сложность аномальной области резко возрастает.]

Му Дье: [Но ведь я рядом, верно? ^^]

Се Шэн: ...

Логика действительно присутствовала: раз уж рядом босс уровня S, глупо им не воспользоваться. К тому же атакующий посох исполняющий желания был невероятно удобен в бою.

...Вот только почему этот босс уровня S выражается как-то странно?

Се Шэн ненадолго замер, а затем напечатал: [И как мне её убить?]

Му Дье: [Найди главную аномалию.]

Се Шэн: ...

Сказал так, будто я сам этого не знал.

Му Дье: [Условие смерти, марионетки аномалии, зацепки внутри салона и за окнами — всё это связано с главной аномалией.]

Се Шэн: [С каких пор одарённые уровня S начали водить новичков?]

Му Дье: [С сегодняшнего дня :D]

Се Шэн: ...

И впрямь, среди высокоуровневых мастеров нет ни одного нормального. Этот Му Дье с виду кажется мягким джентльменом, а на деле — смесь любителя переодеваться в женское, заядлого актёра и писателя-фантаста, который время от времени ещё и не прочь подшутить.

Се Шэн убрал телефон и перевёл взгляд за окно.

Условие смерти, марионетки аномалии, зацепки в салоне и снаружи.

Он согнул палец и постучал по стеклу.

Звук и ощущения были абсолютно такими же, как и в реальном мире.

Монстры, рождавшиеся из тел этих погибших пассажиров, прорастали из-за окна.

Тогда чем же является эта тьма снаружи? Самой сокровенной, скрытой стороной человеческой природы?

Предпочтение сыновей дочерям.

Зависимость от сплетен.

Жадность и рвачество.

Предпочтение сыновей дочерям.

Зависимость от сплетен.

Зависимость от сплетен...

Стоп!

Се Шэн резко поднял глаза.

Фраза, которую хором затянул монстр после смерти Цао Лия: «Во время того тимбилдинга Е Гоюань и Янь Цин подменяли друг друга за рулём. Когда они выходили отлить, они тоже её видели... тоже видели ту девушку... Так что не я одна ничего не сделала... Я тогда так перепугалась! Вы посмотрите, двое взрослых мужиков — и те ничего не предприняли...»

Ничего не предприняли против чего?

Е Гоюань и Цао Лия уже мертвы, но Янь Цин всё ещё жив, и у него можно выпытать обстановку.

Се Шэн мгновенно поднялся на ноги — с такой скоростью, что перепугал сидевшую рядом Тун Ибо.

Он прошёл в переднюю часть салона, где толпились люди, и произнёс:

— Кто из вас Янь Цин?

Все разом затихли.

Хотя в воздухе повисла короткая тишина, неосознанные бегающие взгляды некоторых людей уже дали Се Шэну ответ.

Его взгляд зафиксировался на слегка лысоватом, пузатом и крайне неприметном мужчине среднего возраста:

— У меня к тебе дело.

— Я ничего не знаю... я... я правда ничего не знаю... — Янь Цин инстинктивно попытался откреститься. — Не спрашивай меня, я никогда в жизни не делал ничего плохого, клянусь небом.

Он не успел ничего сказать, а тот уже начал открещиваться.

Если это не нечистая совесть, то что тогда?

Се Шэн слегка опустил веки, тень от волос прикрыла половину его зрачков, а тон стал совершенно спокойным:

— Во время того тимбилдинга, когда вы с Е Гоюанем подменяли друг друга за рулём... Что ты увидел, когда выходил отлить?

При слове «тимбилдинг» Се Шэн заметил, как плечи Янь Цина едва заметно дрогнули.

Однако в следующую секунду Янь Цин будто мысленно успокоил себя: паника в глубине его глаз улеглась, голос стал ровнее, и он повторил:

— Я ничего не видел. Я ничего не знаю, это вообще ко мне не относится, не надо меня расспрашивать.

Не давая Се Шэну вставить слова, он выпрямил спину и продолжал с тоном полного естественного спокойствия:

— Уважаемый, я правда ничего не делал. Я ничего не знаю.

Се Шэн молча смотрел на него, его серо-зелёные зрачки не выражали никаких эмоций.

Никакой управы на него нет.

Больше всего он ненавидел иметь дело с любыми хлопотами, касающимися «людей»: чужая душа — тёмный лес, никто не знает, что там в глубине, прямо как с Цао Лия, по которой внешне тоже нельзя было сказать, что она до безумия любит сплетни.

Код куда милее: всё прямо и чётко, либо правильно, либо нужно отлаживать.

Тем временем Янь Цин, видимо, пришёл к какому-то умозаключению и теперь открыто смотрел Се Шэну в глаза с такой самоуверенностью и вызовом, будто подстрекал: «И что ты мне сделаешь?».

Се Шэн слегка постучал пальцами по бедру.

Значит, просто всыпать ему?

Всё равно это аномальная область, а снаружи всегда можно списать всё на ментальную скверну.

Се Шэн слегка прищурился, намереваясь вытащить палку-нижнее подчёркивание.

Вдруг кто-то похлопал его по плечу.

— Янь Цин.

Сбоку раздался голос Му Дье — всё тот же мягкий тон, но вылетевшие слова звучали и иначе:

— Ты думаешь, если избежишь условия смерти, то сможешь спать спокойно?

Его голос был негромким, но достаточно чётким, чтобы в тишине салона его услышал каждый:

— Если всё останется как есть, этот автобус никогда не остановится, и мы окажемся заперты здесь навечно. Даже если нас не убьёт аномальное событие, мы умрём от голода и жажды.

Помолчав, его голос стал ещё нежнее, но каждое выроненное слово давило так, что становилось трудно дышать:

— Единственная зацепка находится у тебя. Ты уверен, что не хочешь нам ничего рассказать?

Эта фраза формально адресовалась Янь Цину, но на деле предназначалась абсолютно всем в салоне.

Се Шэн был тем, кто только что вычислил [условие смерти].

Судя по его отношению к Му Дье, они явно были знакомы и в этой обстановке принадлежали к одной категории — «знающим людям», отличающимся от обычной толпы.

К тому же на Му Дье был косплей-макияж, его холодный белый тон лица делал его невероятно красивым, а одежда в стиле сайбер-тек наряду с уже рухнувшим материалистическим мировоззрением заставляла его выглядеть спасителем, явившимся прямо из игры.

В его словах никто не усомнился — более того, стоит им прозвучать, как среди людей началось глухое волнение.

— ...И... и что же делать?

— Боже мой... неужели правда... правда нельзя выбратья?

— Янь Цин, почему ты им ничего не говоришь?! Ты же сам сказал, что никогда не делал ничего плохого! Тогда чего ты отрещиваешься?!

— Мы же коллеги, как ты можешь так поступать?

— Если не ради нас, то хоть о себе подумай! Ты что, не хочешь вырваться и увидеть свою семью?!

В чьих-то голосах прорезалась паника, переходящая в ярость.

Плешивый мужчина выскочил первым, набросившись с обвинениями куда яростнее, чем до этого на Се Шэна:

— С какой стати ты тянешь весь автобус за собой на тот свет?! Что там такого, о чём нельзя рассказать?! Почему ты такой эгоист?!

Се Шэн: ...

И впрямь, идиотизм неизлечим.

Да и проявляется он одинаково по отношению к кому угодно.

Под его предводительством тональность многих пассажиров стала жестче.

Настроение в салоне напоминало закипающую воду: всё бурлило и клокотало, а взгляды абсолютно всех присутствующих пригвоздили Янь Цина к месту.

Му Дье больше ничего не говорил, лишь перевёл взгляд и одарил Се Шэна лёгкой улыбкой.

Смысл этого взгляда был предельно ясен.

В такие моменты пытки и допросы бесполезны. А вот взбудоражить эмоции толпы и прибегнуть к «моральному» шантажу куда эффективнее любого насилия.

Янь Цин обомлел.

Он совершенно не ожидал, что всё займёт настолько серьёзный оборот, и уж тем более не ожидал... что все эти люди вокруг вопьются в него взглядами, полными страха, допроса и обвинений.

Если Се Шэн отдаст приказ, он ни капли не сомневался, что коллеги, с которыми он обычно мирно уживался, сами набросятся на него и силой выбьют ответ.

В горле у него пересохло, уголки губ задрожали, но он изо всех сил заставил себя выпрямить спину, сохраняя наигнанное спокойствие.

— Ты ведь сказал, что то происшествие «вообще к тебе не относится»? Тебе нужно лишь рассказать ему, что произошло, а с остальным он поможет разобраться, — Му Дье улыбнулся, и на его прекрасном лице отразились участие и нежность. — Ты ведь не хочешь из-за этого «не относящегося к тебе» дела погубить всех нас?

Спина Янь Цина вжалась в стенку салона.

В его голове дико орал голос: «Это дело к тебе не относится, ты ведь ничего не сделал плохого, ты совершенно ни в чём не виноват. С какой стати ты должен им рассказывать? Их жизнь и смерть тоже к тебе не относятся!!»

Но одновременно с этим чувство удушья в груди становилось всё тяжелее — его давил не Се Шэн, а взгляды всех присутствующих.

Казалось, с каждым вдохом в воздухе отчётливо эхом отдавалось: «эгоист», «безрассудный», «убийца».

В голове у Янь Цина образовалась полная каша, пальцы похолодели, и он едва не ломался пополам, разрываемый этими двумя чувствами.

В ушах звенели упрёки и подозрения коллег. Простояв в оцепенении какое-то время, он вдруг словно сдулся, и его голос прозвучал сдавленно и хрипло:

— Я... я могу рассказать ему, но... только ему одному и наедине.

Не успел Се Шэн открыть рот, как Му Дье произнёс:

— Идет.

Он отступил в сторону, сделав приглашающий жест.

Янь Цин глубоко вдохнул и подошёл к Се Шэну.

Тогда Се Шэн сказал:

— Пойдём в центр.

Янь Цин тут же кивнул.

Под взглядами всей пассажирской массы они вдвоём сели на сиденья ближе к центру салона.

Видимо, не желая продолжать терпеть косые взгляды коллег, Янь Цин опустил голову и сел у окна.

Он молчал несколько минут, словно восстанавливая события в памяти, и лишь затем медленно заговорил:

— Пятого июня прошлого года... я очень хорошо это помню, наша компания поехала на

тимбилдинг, а мы с Е Гоюанем были водителями. Ах да... ехали мы как раз на этом самом автобусе...

Компания «Шалань» — весьма известная в Ичэне IT-фирма. Зарплаты там средние, а вот стресс огромный, сверхурочные работы — обычное дело. Чтобы удержать в узде рабочих лошадок, внешнее благополучие и «соцпакет» у них, понятное дело, на высоте.

Каждый год у нас проходит по два больших тимбилдинга, и летний как раз был с выездом в дачный посёлок у подножия соседней горы.

Раз уж мероприятие гордо именовалось «тимбилдингом», то и водитель не должен был переутомляться, поэтому последние несколько лет мы с Е Гоюанем водили по очереди.

Около четырёх часов дня мы уже подезжали к посёлку, как вдруг у одного мелкого начальника в салоне прихватило живот.

Хоть это и был тимбилдинг, но пренебрегать начальством никто не смел. Я тут же заметил деревенский туалет у дороги и припарковал автобус на обочине трассы.

Другой начальник заметил, что пейзаж вокруг красивый, и предложил сделать паузу побольше, чтобы дать время тому, у кого прихватило живот.

Поэтому большинство людей высыпали из автобуса: размяться, погреться на солнышке, посмотреть по сторонам.

Деревенский туалет был рассчитан только на одного мужчину. Мы с Е Гоюанем покурили, а когда закончили, туалет всё ещё был занят, так что мы вдвоём обошли его и направились к неглубоким зарослям неподалёку.

Справив нужду, мы пошли обратно и вдруг услышали какой-то шорох.

Кто-то плакал.

Голос был тихий, тоненький и писклявый, похожий на сломанную игрушку.

Мы с Е Гоюанем переглянулись и пошли посмотреть.

Если бы можно было вернуть время назад, я бы ни за что не сделал ни шагу в ту сторону.

Правда.

Хотя это дело меня вообще не касалось, но если бы я этого не видел, оно касалось бы меня ещё меньше.

Но, на моё несчастье, я увидел.

Дикие летние цветы цвели очень пышно и красиво, должно быть, та девочка пришла как раз нарвать цветов.

На земле всё ещё валялся сплетённый ею венок — аккуратная ручная работа, может быть, она хотела принести его своей младшей сестрёнке.

Вот только подарить его уже не довелось.

Я до сих пор помню эту картину.

За кустами стояли трое мужчин.

Двое из них были деревенскими кадрами, чины немаленькие, и мы с Е Гоюанем оба их узнали.

Их фотографии висели на доске объявлений при въезде в деревню, и на груди у них даже болтались значки.

Они...

Они надругались над маленькой девочкой.

Лет десяти с небольшим, в белоснежном платье.

Платье было разорвано в клочья, на ногах — грязь, кровь и ещё не пойми что.

Не пойми что?

Янь Цин мысленно горько ухмыльнулся.

Да всё он прекрасно понимал.

Один из тех мужчин подтянул штаны и подошёл к нам.

Он ухмыльнулся и совершенно спокойно произнёс: «Вы из компании "Шалань" на тимбилдинг приехали? Тут только что один мужик проходил, я отвалил ему кучу денег, и он ничего не видел. Вам отвалить?»

Мы с Е Гоюанем знали: компания «Шалань» потому и ездила каждое лето на тимбилдинг именно сюда, что у неё было сотрудничество с местным парторгом.

В моей голове мгновенно вспыхнула мысль: я ничего не видел. Это дело меня не касается.

Я ещё подумал: даже если я заявлю в полицию, что сможет сделать приезжий мелкий водила?

«Шалань» и курортный посёлок связывали партнёрские отношения. Если руководство узнает, что я влез не в своё дело, не обвинят ли они меня в самоуправстве? Не уволят ли меня тут же?

Я знал, что ответ точно будет «да», и меня ещё и сделают крайним.

Прежде чем я успел хоть слово вымолвить, Е Гоюань расплылся в улыбке: «Без проблем, без проблем. Подумаешь, девчонка. Как говорится: "Сын — опора в старости, а дочь — лишний рот и убытки". Кому есть дело до убыточного товара?»

Тот деревенский чиновник с удовлетворением похлопал его по плечу.

Я приоткрыл рот и у меня тоже вырвалось: «...Да, мы ничего не видели».

Я изо всех сил выдавил из себя естественную улыбку: «Это вообще нас не касается».

И после этого мы действительно развернулись и ушли.

Уже подходя к автобусу, мы увидели, что в том направлении направляется Цао Лия.

Е Гоюань хотел было крикнуть ей и предупредить, но я инстинктивно схватил его за руку.

Я сказал: не лезь, это нас не касается.

Нас не касается.

Нас не касается.

Неизвестно, оттого ли, что эта глубоко зарытая в душе тайна, долго мучившая его, наконец получила шанс вырваться наружу, Янь Цин весь ушёл в воспоминания. Его голос дрожал, но в нём сквозило почти облегчённое упрямство:

— Я до сих пор помню взгляд этой девочки, когда появились мы с Е Гоюанем... Её взгляд... из потухшего, отчаявшегося на миг вспыхнул такой надеждой.

Он прикрыл глаза, его горло перехватило, а голос упал почти до шепота:

— Но... но мы ничего не видели... Да и нас это вообще не касалось...

Даже исповедуясь Се Шэну, даже выдав секрет, он всё равно продолжал промывать себе мозги, упрямо повторяя: «это меня не касается».

Однако тот окровавленный образ девочки и смена выражения её глаз начали расползаться и разрастаться в голове Янь Цина, становясь всё чётче и чётче — словно картину намертво прижали к его глазным яблокам с внешней стороны.

Янь Цин не смел посмотреть на Се Шэна, не смел взглянуть и на коллег в передней части салона, поэтому его взгляд инстинктивно устремился в окно.

Он оцепенело уставился на своё отражение в оконном стекле — завязанный так давно узел на сердце наконец развязался.

К тому же, раз он рассказал секрет, то все находящиеся в этом автобусе люди, включая его самого, наконец смогут выбраться наружу.

Однако именно в этот момент...

— Хрусть, хрусть...

Янь Цин всё ещё был погружён в воспоминания и совершенно не осознавал, что этот звук доносится прямо из его макушки.

— Хрусть, хрусть...

Зук становился всё громче, будто разрывался прямо в голове.

Янь Цин внезапно очнулся, его зрачки расширились, а глаза заполнились глубочайшим ужасом:

— Нет... нет!!!

Он изо всех сил прижал руки к макушке, пытаясь удержать и зажать эту трещину.

С какой стати?!

Я ведь рассказал секрет, как они и требовали!

Я же всё рассказал!

Это дело ко мне вообще не имеет никакого отношения!

С какой стати я всё равно должен умереть?! С какой стати?!

В передней части салона раздался хоровод криков, многие пассажиры невольно попятились назад.

Они тоже не могли понять, почему Янь Цин вовсе не смотрелся в зеркало и выложил свой секрет, но вдруг скоростно скончался!

Это... это из-за Се Шэна?

Они смотрели на Се Шэна с испугом и настороженностью — так, словно только что толпа, напавшая на Янь Цина и посредством морального шантажа выпытавшая секрет, состояла не из них, а из одного лишь Се Шэна.

Но реакция одного человека кардинально отличалась от реакции остальных пассажиров.

— О... осторожнее!

Тун Ибо хоть и испытывала страх, но в душе была твердо уверена, что Се Шэн — хороший человек, поэтому инстинктивно закричала:

— Братишка, скорее отходи! Водитель Янь обычно таскает железо, у него сила огромная, осторожнее, когда он умрёт...

Не успела Тун Ибо договорить, как увидела, что мимо неё промелькнула тень, принеся с собой бьющий в нос чистый аромат, и направилась напрямик к Се Шэну.

— Что произошло? — спросил Му Дье.

Се Шэн слегка опустил веки и произнёс обыденным тоном:

— Оконное стекло.

Совершенно тёмное пространство за окном и ярко освещённый салон внутри.

Когда человек поднимает глаза на оконное стекло, он обнаруживает, что в нём отражаются не пейзажи снаружи, а его собственное отражение.

Оно видно предельно чётко, словно зеркало, повешенное посреди глубокой ночи.

Рассудок Янь Цина уже помутился, поэтому он встретился взглядом со своим отражением в «зеркале».

Се Шэн поднял глаза и посмотрел на Янь Цина.

Так же, как и с предыдущими тремя трупами, так же, как и с остальными тремя свидетелями.

Тело Янь Цина быстро раскололось надвое, после чего из середины трупa родился монстр.

Это была подвешенная человекоподобная фигура, её конечности бессильно свисали, шея была затянута веревкой, и какая-то невидимая рука, казалось, медленно, медленно затягивала её в воздух.

А затем, подобно висельнику, она окончательно зависла там.

Лицо фигуры посинело, но глаза были широко распахнуты. В особенности поражали два черных зрачка — нереально огромные, они постоянно вращались, будто были живыми.

Ушные раковины тоже едва заметно шевелились, словно в любой момент пытались уловить какой-то звук.

Но самым жутковатым было то, что...

На этом лице не было рта.

Дело было не в том, что оно не разговаривало, и не в том, что рот зашили — ровная, гладкая кожа тянулась от самого носа до подбородка, пугая своей абсолютной пустотой.

Се Шэн молча наблюдал за ним. Вытаращенные зрачки монстра тоже на мгновение встретились взглядом с Се Шэном, а затем начали вращаться во все стороны, осматривая всё вокруг.

Моя хата с краю, ничего не знаю.

Пока я не вмешаюсь, меня это не коснется.

Пока я притворяюсь, что ничего не вижу, беда до меня не доберётся.

А ведь это и есть «человеческая природа» Янь Цина.

Теперь всё связалось воедино.

[Предпочтение сыновей дочерям] Е Гоюаня привело к тому, что его абсолютно не волновала жизнь и смерть маленькой девочки. Случившееся с ней в его глазах вообще не считалось чем-то важным.

Цао Лия хоть и страдала [зависимостью от сплетен], но её трусливый характер не позволял ей оглашать подобные вещи и предпринимать какие-либо реальные действия.

[Жадность и рвачество] Сунь И заставили его взять деньги и замять дело. Деньги получены, рот закрыт — даже жена, работающая в том же учреждении, не подозревала, что в его жизни есть подобный секрет.

А принцип [моя хата с краю] Янь Цина заставлял его беспрестанно повторять себе: «Я ничего не видел, это не в моём ведении». В итоге он предпочёл развернуться и не делать абсолютно ничего.

Условие смерти стало известно, история главной аномалии известна, причины гибели этих людей тоже известны.

Вот только до сих пор не хватало ответа на самый ключевой вопрос.

Что представляет собой главная аномалия и где она находится?

Се Шэн подошёл к окну.

У этого висельника на данный момент не было намерений нападать на людей, к тому же рядом находился Му Дье, поэтому Се Шэн не стал выбивать его в первую же секунду.

Снаружи автомобиля, в бескрайней тьме, появился едва заметный лучик света.

Значит...

Когда уродливая сторона человеческой природы рождается из трупа и материализуется в автобусе, снаружи становится немного меньше тьмы?

Нет.

Если быть точнее, дело не в уродстве «человеческой природы».

У человеческой природы много граней, есть хорошие и плохие, есть эгоистичные и низменные, есть исполненные доброты и великой любви, а есть и такие, как [жадность и рвачество] или [моя хата с краю] — находящиеся в промежуточной зоне, о которых не скажешь ни как о зле, ни как о добре.

Но, подобно тому как о благородном муже судят по поступкам, а не по помыслам, мерилom добра и зла никогда не служило то, что таится в глубине души — смотрят на то, что человек совершил на самом деле.

Если погибли только эти четыре пассажира, то тьма за окном — это не «зло» в «человеческой природе», а... «зло» в «поступках».

Монстры, рождающиеся из трупов — это та самая «человеческая природа», что подтолкнула их к совершению дурных поступков, став «злой» «человеческой природой».

К примеру, [жадность] Сунь И приведшая к тому, что он взял деньги и был подкуплен, или позиция [моя хата с краю] Янь Цина, заставившая его заботиться лишь о собственной шкуре и ради работы и избежания проблем решить ни во что не вмешиваться.

Се Шэн откинулся на спинку сиденья, повернул голову и уставился на густую, словно тушь, тьму за окном.

Поэтому не трудно догадаться, что главная аномалия совершенно точно родилась из гибели той маленькой девочки, впитав в себя ее глубочайшие эмоции: непонимание, печаль, отчаяние и лютую ненависть.

Се Шэн внезапно вспомнил то неожиданное торможение автобуса после смерти Е Гоюаня.

Подарить пассажирам надежду, а затем собственными руками потушить её.

Разве это не перекликалось с тем, как девочка при виде пришедших людей снова вспылала надеждой на спасение, но затем была «убита» их равнодушием?

Плавный трогание машины с места воссоздавало её прошлое отчаяние.

Се Шэн покачал головой, поднялся и направился прямо к Тун Ибо.

Во всём салоне была лишь одна маленькая девочка.

Дочь Цао Лия.

И возраст у неё был похожий.

Хотя Инь Ланьсин и говорил, что аномалия не может быть человеком, но раз главная аномалия родилась из маленькой девочки, то это совершенно точно какая-то вещь на ней или хорошо ей знакомый предмет.

Шестое чувство подсказывало Се Шэну, что с огромной долей вероятности главная аномалия находится именно у дочери Цао Лия.

Се Шэн опустил взгляд на неё.

Маленькая девочка уже крепко спала на руках у Тун Ибо, черты её лица были очень спокойными. Слепота в этот момент казалась своего рода утешением: не видя жестокой реальности, можно было погрузиться в кратковременный покой.

По одежде было видно, что Цао Лия действительно берегла её.

Розовый пуховик, сапожки, а под ними — чистое белое вязаное платье.

Одета очень тепло и ухожена с большой заботой.

...Но когда она сама тогда развернулась и ушла, задумывалась ли она о том, что та разорванная в клочья девочка в белом платье, перемазанная отчаянной кровью, тоже была чьей-то любимой дочкой, которую другая мать берегла как зеницу ока?

Стоп.

Белое вязаное платье.

Белое платье!

Точно!

Се Шэн внезапно осознал, что в своих рассуждениях учитывал только то, что находится внутри салона, абсолютно упустив из виду то, что снаружи.

Эта жуткая тьма за окном!

Когда автобус поехал, Се Шэн не смог призвать палку [Ctrl+U] за передней дверью. Уже тогда у него возникло ощущение, что густая тьма за окном похожа на слизь или какой-то материальный предмет, плотно облепивший весь автобус.

Это была не слизь.

Это была... одежда.

На самом деле всё очень просто: когда смотришь на красивую одежду снаружи, она кажется яркой и прекрасной, но когда эту одежду плотно натягивают человеку на голову, то с его ракурса это выглядит именно как непроницаемая тьма.

Се Шэн тут же поднял глаза и сказал Му Дье:

— Попробуй применить свою способность. Вся одежда на ней, особенно платье — поддаются ли они управлению?

Если бы Фу Ханьхай был здесь, он бы перепугался до полусмерти: даже директор главного управления GEMA в Китае, такой же одарённый уровня S [Уравнитель], не смел отдавать приказы Му Дье в подобном тоне. Се Шэн был первым.

Причем тон его звучал абсолютно естественно и сухо, словно он отдавал распоряжения уже бесчисленное количество раз.

Однако Му Дье, казалось, было совершенно всё равно. Его аметистовые зрачки слегка блеснули, и он произнёс:

— И пуховик, и платье поддаются управлению.

Как такое возможно?

Се Шэн только собрался задать вопрос, как услышал продолжение слов Му Дье:

— Но на ней надето не одно платье.

Взгляд Се Шэна застыл.

Му Дье неторопливо произнёс:

— Под её вязаным платьем есть ещё одно — оборванное белое платье в пятнах крови.

Тогда всё сходится.

Эта главная аномалия и впрямь родилась из того злополучного преступления.

Но... ключевая проблема заключалась в том, что это платье сейчас было надето на дочь Цао Лия.

Она — невинный ребёнок, к тому же слепой.

Се Шэн спросил у Му Дье:

— Если ты напрямую уничтожишь белое платье, нанесёт ли это девочке необратимый вред или приведет к смерти?

Му Дье:

— Приведет.

Се Шэн на мгновение замолчал.

Он вспомнил, как читал на форуме GEMA о способах прохождения аномальных областей через [убийство]: у аномалий ниже уровня А есть изъяны и слабости, которые можно использовать, и чем ниже уровень, тем они очевиднее. Изъяны и слабости связаны с самой аномалией и её историей.

Так где же слабость белого платья?

Се Шэн начал детально вспоминать всё, что произошло с момента входа в эту аномальную область, не упуская ни единой мелочи.

Включая способ смерти каждого человека, монстров и изменения за окном.

А также историю, рассказанную Янь Цином.

В салоне на какое-то время воцарилась тишина. Все пассажиры, похоже, осознали, что наступил ключевой разворот сюжета, и никто не смел выдать ни звука.

Внезапно.

Дочь Цао Лия очнулась ото сна и в мучении схватилась за шею:

— Давит... так давит... Мама, мне так давит всё тело...

В считанные мгновения её спокойное личико покраснело от удушья. Она не знала, за что хвататься руками — то за шею, то за грудь.

— Она почувствовала наше намерение убить, — раздался сзади голос Му Дье. — Аномалии не похожи на нас, одарённых, способных видеть, слышать и говорить. В основном они полагаются на восприятие. На восприятие опасности, на восприятие смерти.

Настолько чувствительная?

Видя, что девочка вот-вот задохнётся насмерть, Се Шэн тут же сказал взволнованной и перепуганной Тун Ибо:

— Прямо сейчас залезь рукой ей под подол. Под её белым платьем есть ещё одно, изрядно порванное. С силой дерни его.

Тун Ибо обомлела:

— Дёрнуть за платье?

Се Шэн:

— Угу.

— Хорошо.

Хоть она и замешкалась на секунду, но доверие Тун Ибо к Се Шэну было абсолютным, поэтому она тут же сделала так, как он сказал.

Её рука проникла под подол платья девочки и быстро нащупала то самое белое платье.

Как и говорил Се Шэн, от одного лишь прикосновения ощущалось, насколько оно изодрано: изначально длинное, оно почти лишилось ткани, особенно в нижней части.

Тун Ибо с силой дёрнула.

Несмотря на то что ткань казалась тонкой, как крыло цикады, по неизвестной причине она

словно пружинила — дёрнуть её не получалось вовсе.

Тун Ибо замерла и дёрнула ещё сильнее.

Оно по-прежнему оставалось совершенно невредимым.

Даже подушечки её пальцев заболели от трения.

Тун Ибо уже собиралась приложить ещё больше сил, как вдруг ощутила на тыльной стороне ладони прикосновение гладкой ткани.

А затем на запястье и на всей руке.

На её глазах оборванное белое платье в пятнах крови выскользнуло из-под её пальцев и стремительно поползло вверх по её руке.

Тун Ибо вскрикнула от испуга и уже собралась расспросить, как вдруг раздалась... слегка изысканная и в то же время жутковатая музыка.

[Вращающиеся детские сны (уровень В)]

[Заведите музыкальную шкатулку. В радиусе 3 метров враги услышат в голове «самую запомнившуюся им песню» и начнут громко петь её на месте в течение 10 секунд. Обладает аналогичным эффектом на аномалии, связанные с людьми. P. S.: При получении урона состояние «громкого пения» снимается.]

Белое платье, только что обвивавшее руку Тун Ибо, словно заморожённое, сползло с её руки и принялось кружиться на месте, словно в танце. Одновременно с этим зазвучал нежный детский голос:

— Маленькая ласточка в ярком кафтане,

Каждой весной прилетаешь ты к нам.

Я спросила ласточку: «Что ты прилетела?»

А ласточка ответила: «Весна красивее там».

Только используя навык, Се Шэн понял: он, разумеется, не мог выбирать песню, но зато мог узнать, почему именно эта песня «оставила глубочайший след» в памяти.

Потому что детское прозвище девочки было Ласточка. Когда она родилась, в доме как раз свила гнездо мама-ласточка и вывела птенцов.

Девочка и её мама очень любили то гнездо с ласточками, они росли вместе.

Ещё девочка любила носить цветастые платья, любила весенние дикие цветы и травы. Но мама, чтобы защитить её, не разрешала надевать цветастые платья, когда та выходила на улицу одна.

Она очень слушалась маму.

А то белое платье мама долго копила, чтобы купить ей.

Вот только...

Белое платье тоже не смогло её защитить.

Но в этом ведь не было вины самого белого платья.

...Чья же это была вина?

Се Шэн тяжело вздохнул, приходя в себя от полученных сведений.

Пока он ненадолго задумывался, время контроля от [Вращающихся детских снов] сократилось до 3 секунд.

3 секунды.

Этого более чем достаточно.

Палка-нижнее подчёркивание появилась у него в руке, и Се Шэн со всей силы обрушил её на поющее белое платье.

Однако...

— Цзинь!

Это белое платье, казавшееся хрупким и легко рвущимся, проявило твердость стали — от тяжелейшего удара палки на нём осталась лишь едва заметная тонкая царапина.

Выражение лица Се Шэна мгновенно стало серьёзным.

Эта атака, несшая в себе энергию способности, мгновенно вывела белое платье из транса. К удивлению Се Шэна, платье, будто обретя разум, не стало обвивать его руку, а устремилось прямо к его шее!

Чёрт?

Натянутая, словно верёвка, ткань едва не захлестнула его горло. Он снова выставил палку, блокируя её перед шеей.

— Цзинь!

Белое платье снова затвердело подобно стали, сойдясь с палкой в лобовом столкновении и ничуть не уступая ей. При этом по своей природе оно оставалось тканью и извивалось с ловкостью ядовитой змеи, огибая преграду и снова целясь в жизненно важные органы Се Шэна.

Се Шэн крепко сжал палку обеими руками и, словно держа меч, вступил с белым платьем в прямой бой прямо в узком салоне автобуса.

От каждого столкновения на палке появлялась новая зазубрина.

Однако палка Се Шэна могла обновляться бесконечно.

Таким образом, он и белое платье на какое-то время застряли в равном противостоянии: в тесном пространстве беспрестанно разносились стальные звоны.

Внезапно белое платье, вновь заблокированное палкой, резко вздрогнуло и стремительно

удлинилось. Его конец по-прежнему мёртвой хваткой сжимал палку, а другой конец мгновенно выстрелил вперед, целясь прямо в кадык Се Шэна!

Зажатая в руке Се Шэна палка мгновенно исчезла, после чего он резко отклонился назад, чудом избежав удара платья.

Но именно благодаря этому движению краем глаза Се Шэн успел заметить труп-висельник Янь Цина.

В его голове что-то внезапно озарилось. Когда белое платье снова устремилось к нему, Се Шэн не стал ставить блок, а позволил ему обвиться вокруг своей шеи, лишь подняв правую руку в попытке просунуть пальцы между шеей и тканью, создавая небольшой зазор.

Он понял, как справиться с аномалией.

Нужно было подставить ей самое уязвимое место — горло, а также использовать созданную рукой щель.

Однако именно в этот момент перед ним пронёсся порыв ветра, и рядом внезапно появился человек.

Му Дье сработал еще быстрее: заслонив собой Се Шэна, он одной рукой вцепился в белое платье.

Ткань мгновенно натянулась до предела.

Сбоку на шее вспыхнула дикая боль, но Се Шэн, казалось, совершенно её не чувствовал, потому что расстояние между ним и Му Дье в этот момент... было слишком малым.

Находясь лицом к лицу, дыша в одном и том же пространстве, Се Шэн, казалось, мог ощутить даже его теплое дыхание.

Се Шэн знал, что костяшки пальцев правой руки Му Дье совершенно точно были окровавлены от перетягивания.

Он принял этот удар на себя.

Вот только выражение лица Му Дье ни капли не изменилось. Его светло-фиолетовые глаза, подобные неорганическому стеклу, не отражали ни капли тепла и просто холодно смотрели на Се Шэна.

Краем глаза Се Шэну показалось, будто у внешнего уголка глаза Му Дье вспорхнула кроваво-красная бабочка.

Она исчезла в мгновение ока, и когда он присмотрелся, её уже не было — Се Шэн даже подумал, что у него начались галлюцинации.

А затем он услышал ледянящий, опустившийся до шепота голос Му Дье:

— Ты с ума сошёл?